

ИМПЕРСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Ч. С. КИРВЕЛЬ¹⁾, О. Ч. КИРВЕЛЬ²⁾

¹⁾Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, ул. Э. Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается сущность имперской формы правления, которая может представлять альтернативу однополярной глобализации в ходе исторического развития социума. Под империей понимается суверенное государство-цивилизация, объединенное языком, культурой, идеологией, конкретным целеполаганием и модернизационными программами, которые выдвигаются и реализуются властью империеобразующего народа. Империя трактуется как стабильная форма государственности и сосуществования народов. Подчеркивается цивилизационная роль империй и в их современном варианте. Новоимперии, как региональные центры силы, могут быть прообразом государственного устройства многополярного мира. Отвергается концепция однополярного мира, которая основывается на линейно-прогрессистском, стадильном понимании всемирной истории. В основу авторской концепции многополярного мира положен цивилизационный подход. Доказывается, что цивилизационная роль империй немыслима без объединяющей имперской формы государственности. Рассматриваются различия фундаментального характера между западными колониальными и традиционными континентальными империями. Отмечается, что в западных империях с их колониальными владениями не существовало не только единого географического, но и в первую очередь единого социально-исторического пространства, объединенного общими ценностями и культурой. Перспективной формой политического устройства многополярного мира могут быть традиционные исторические империи централизованного типа или региональные новоимперии, скрепленные единой территорией, обладающие общей культурной и идеологической матрицей и сверхнациональным единством, а также сохраняющие свои константные свойства и признаки наряду со способностью к модернизации и обновлению. Показывается, что на основе региональных новоимперий частичная глобализация приобретает новый смысл и значение, становится ключом к более углубленному пониманию современной ситуации в мире. В авторской концепции многополярного мира новоимперии, исходя из цивилизационного подхода, могут стать наиболее эффективной формой государственного устройства в формирующихся региональных центрах силы. Регионализация, предложенная авторами, представляется весьма перспективным и плодотворным направлением научных исследований.

Ключевые слова: империи; глобализация; социальная динамика; колониальные морские империи; традиционные континентальные империи; цивилизационный подход; регионализация.

Образец цитирования:

Кирвель ЧС, Кирвель ОЧ. Имперское государственное правление как фактор социальной динамики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2023;3:26–41.
EDN: KBOCMV

For citation:

Kirvel ChS, Kirvel OCh. Imperial state governance as a factor of social dynamics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2023;3:26–41. Russian.
EDN: KBOCMV

Авторы:

Чеслав Станиславович Кирвель – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии педагогического факультета.

Ольга Чеславовна Кирвель – кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры международных экономических отношений факультета международных отношений.

Authors:

Cheslav S. Kirvel, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy, faculty of pedagogy.

kaf_filosof@grsu.by

Olga Ch. Kirvel, PhD (economics), docent; associate professor at the department of international economic relations, faculty of international relations.

kirvel@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-6655-0908>

IMPERIAL STATE GOVERNANCE AS A FACTOR OF SOCIAL DYNAMICS

Ch. S. KIRVEL^a, O. Ch. KIRVEL^b

^aYanka Kupala State University of Grodno, 22 E. Azheshka Street, Grodno 230023, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. Ch. Kirvel (kirvel@bsu.by)

The article discloses the essence of the imperial form of government, which can represent an alternative to unipolar globalisation in the process of the historical development of society. An empire is understood as a sovereign state-civilisation, united by language, culture, ideology, specific goal-setting, certain modernisation programmes that are put forward and implemented by the power of the empire-forming people. The empire is interpreted as a form of peoples coexistence and is presented as a stable form of statehood and progress driver. The civilisational role of empires is emphasised and in its modern version, according to the authors, new empires as regional centres of power can be a prototype of the state structure of a multipolar world. The concept of a unipolar world is rejected, which is based on a linear-progressive, stage-by-stage understanding of world history. The authors' concept of a multipolar world is based on a civilisational approach. It is proved that the civilisational role of empires is unthinkable without a unifying imperial form of statehood, fundamental differences between Western colonial and traditional continental empires, in particular the Russian Empire, are considered. In the Western empires with their colonial possessions, there was not only single geographical, but, first of all, a single socio-historical space, united by common values and culture. A promising form of the political structure of a multipolar world can be traditional historical empires of a centralised type or regional new empires, held together by a single territory, having a common cultural and ideological matrix, as well as a supranational unity, retaining their constant properties and features along with the ability to modernise and renew. It is shown that partial globalisation based on regional new empires takes on a new meaning and significance, becomes the key to a deeper understanding of the current situation in the world. In the author's concept of a multipolar world, the new empire, based on a civilisational approach, can become the most effective form of government in the emerging regional centres of power. The concept of regionalisation proposed by the authors seems to be a very promising and fruitful line of scientific investigations.

Keywords: empires; globalisation; social dynamics; colonial maritime empires; traditional continental empires; civilisational approach; regionalisation.

Империя как форма сосуществования народов

Империя – это государственное образование, в рамках которого объединено множество этносов, народов, у которых есть (были) собственная культура, национальная идентичность, а также отдельная территория. Слово «империя» происходит от латинского глагола *imperare* – приказывать, властвовать, повелевать. Империи всегда создавались и утверждались вокруг стержневого этноса – самого мощного, пассионарного, вырвавшегося вперед народа. Такой народ называют империеобразующим. Будучи пассионарным, он, по крайней мере в период становления империи, а часто и позже, был готов идти на любые жертвы ради расширения и укрепления империи, не теряя при этом своей культуры и самоидентификации. Все империи в той или иной форме прибегали к насилию, прежде всего военному. Именно из-за него имперская государственность подверглась наибольшей критике. Однако следует заметить, что насилие – неизбежный попутчик человеческой истории. Насилие, вписанное в объективное развитие истории, столь же органично, как грозы и ливни в круговороте природы, оно «является повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым» [1, с. 754]. Это атрибутив-

ное свойство любого государства. В реальности не только империи образовывались и развивались посредством насилия и завоевания. Многие национальные государства, как и империи, были созданы путем войн и масштабного насилия. Ч. Тилли, глубоко исследовавший историю становления европейских территориально-национальных образований, определял данный процесс как узаконенный рэкет, так что насилие и завоевания не являются специфической чертой исключительно имперской формы государственности. В этом русле рассуждают и другие авторы. Многие из них считают, что самыми жестокими колонистами в истории были не империи, а демократии: «Тирания была и остается возможной как в империи, так и в национально-гомогенных государствах»¹ [2, р. 11]. В том же ключе высказывается и Д. Ливен: «Наиболее крупные демократические страны, как правило, имели колонии и были беспощадны к небелому населению, которое при таком положении вещей вряд ли могло осознать преимущество демократии» [3, с. 79]. Если империи во время своего образования и расширения обходились без военного насилия, то в дальнейшем их судьбы были связаны с различными формами

¹Перевод наш. – Ч. К., О. К.

искусно осуществляемого легитимного господства и культурного доминирования. При этом следует заметить, что существовали империи, которые не ориентировались на бесконечное завоевание новых территорий, а были нацелены «на сохранение внешнеполитического гомеостаза, региональной гармонии» и строили «свою политику на учении об исторических циклах (вдоха-выдоха, свертывания-развертывания)» [4, с. 19]. Такой империей долгое время был Китай.

В понятии «империя» отражается прежде всего державность. Империям присуща интегральность всех территорий, входящих в ее состав. Она носит наднациональный характер и охватывает, как правило, огромные площади. Практически во всех империях весьма часто имело место стремление создать для подданных общую идеологическую и культурную матрицу, рамку для консолидации разнородного населения. По сути, империя – это суверенное государство-цивилизация, объединенное языком, культурой, имперской идеологией и целеполаганием, а также определенными модернизационными программами, которые выдвигаются и реализуются властью империеобразующего народа. Причем каждая имперская элита стремилась идеологически обосновать, что призвание империи – выполнить некую историческую миссию глобального масштаба. Так, в работе М. Манна написано по этому поводу следующее: «Римляне говорили, что несут завоеванным народам порядок и правосудие, испанцы – слово Божие, британцы – свободную торговлю, французы исполняли *la mission civilisatrice*, а теперь американцы распространяют демократию и свободное предпринимательство» [5, с. 40].

Следует различать колониальные морские империи и традиционные территориальные империи. Первые сочетали в себе национальное государство-метрополию и бесправную эксплуатируемую периферию (например, Великобритания). Чтобы замаскировать явно грабительский характер метрополии по отношению к народам колоний, империи создавали миф о цивилизаторской миссии белого человека. Однако надолго остановить борьбу колонизированных народов за свои права и национальное освобождение этот миф не мог.

В территориальных империях границы между имперским центром и периферией четко не выражены. Все отношения здесь строятся в границах одной территории, не разделенной большими пространствами (океанами, горами, пустынями и т. д.). Центр и периферия могут меняться, перетекать друг в друга. В этих империях эксплуатация населения метрополией может осуществляться даже намного жестче, чем осуществляется эксплуатация населения имперских окраин. Такие территориально протяженные империи, как, например, Российская, Османская, Австро-Венгерская империи, не имели четко очерченных границ внутри своего простран-

ства. Благодаря этому миграционные процессы на имперской территории неизбежно вели к формированию смешанного состава населения, развитию высокоинтегрированной экономики, накоплению исторического опыта взаимодействия и культурного обмена. В связи с этим Г. Мюнклер говорит о том, что история развития, например, Российской империи отмечена использованием и подавлением собственного населения ради экспансионистских целей. Данное явление называли «внутренний колониализм» [6, с. 53]. Российский исследователь А. И. Фурсов, рассуждая на эту тему, отмечает: «Будучи державообразующим народом, несущим имперское бремя, русские не получили за это никакого вознаграждения, не имели никаких привилегий. То есть Россия – это империя наоборот, где русские жители империи – это победители, которые не получают ничего» [7, с. 175–176].

Необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство – составной характер имперской элиты. В отличие от элиты национальных государств имперская элита, как правило, многонациональная. Это свойство особенно рельефно обнаружило себя в процессе становления и развития Российской империи.

Цивилизационная роль империй неоченима: все они оставили после себя великие культуры. Мнение о том, что империи – это однозначно негативная структура, только поработощающая и угнетающая другие народы, ошибочно. В действительности же наиболее значимые достижения осуществлялись прежде всего империями, причем цивилизационная миссия империи направлена вовне. Без империй наш мир был бы сплошной провинцией. Империи несли в себе объединяющее начало, способствовали устранению раздробленности и противостояний, развитию просвещения и в целом культуры. В империях представители этнических меньшинств даже из самых глухих провинций могли сделать блестящую карьеру (художественную, научную, деловую, военную и др.), что было просто немыслимо без объединяющей имперской формы государственности.

Хотя империи далеко не всегда обходились без насилия, в то же время они двигали исторический прогресс, создавали наиболее высокие образцы науки, образования, технологии, архитектуры, литературы и философии, строили акведуки, величественные театры и цирки, школы и библиотеки, открывали новые торговые пути и тем самым способствовали преодолению разорванности мира, осуществляли процесс «переплавки» множества малых культур в несколько крупных. Стандартизация мер и весов, система единого права, налаженная городская жизнь – все это достижения империй. Империям было и есть чем гордиться.

В определенные периоды истории империи являлись наиболее удачной и эффективной формой государственности, они нередко создавали такие

условия (матрицу) для входивших в ее состав народов и территорий, которые позволяли им получать значительные преимущества. Российский историк А. Ефремов считает, что если посмотреть на идею империи наивным, дотеоретическим взглядом, то можно заметить, что «доминанту в ней задает даже не идея большого пространства, а идея большого стиля» [7, с. 171]. Те национальные государства, которые делали в своей истории заявку на высокий стиль, обретали очень сильные имперские черты [7, с. 171].

В своем историческом бытии империи выявили чрезвычайное многообразие. Это в значительной степени объясняется тем, что от одной эпохи к другой имперская государственность претерпевала различные мутации и обретала новые черты: «В этом смысле империи убегают от определенности², ускользают от аналитического взгляда, стремящегося зафиксировать их сущность. Попытки дать исчерпывающее описание имперского кода, который был бы применим ко всем случаям имперотворчества, пока провалились» [4, с. 21]. Видимо, неслучайно исследователи, пытаясь дефинировать имперскую форму развития, часто прибегают к различным метафорам, эпитетам, иноназваниям: «политический субконтинент», «суперэтнос», «большая длительность», «культурно-исторический тип», «высокая культура», «мир-система», «сверхдержава», «сверхнарод». Тем не менее в империологии зафиксированы некоторые константы, родовые свойства всеобщего характера, признаки империи, обладающие большой степенью однозначности. Константой империологии выступает «определение империи как соединения многообразия, основанного на искусстве управлять...» [4, с. 22]. Российский автор Ю. Д. Гранин описывает империи «как большие высокоцентрализованные политические государства с открытыми порядками жизни», универсальный характер которых оказывается наиболее эффективной политической формой легитимного сосуществования народов и распространения цивилизации на большое расстояние [8, с. 76–86]. В специальной литературе имеется немало и кратких дефиниций империи: «стратегическое единство многообразия» (К. Шмитт), «дифференцированное управление дифференцированным населением» (Дж. Бурбанк), «масштабная система гетерогенного господства» (М. Бейссингер) и др. В принципе, империя – «это всегда построение метасоциума (мира миров), суть которого отражается во множестве понятий и определений» [4, с. 22, 23].

В целом, как справедливо пишет Ю. Д. Гранин, «на протяжении многих столетий до и после новой эры имперская политическая форма несла в себе позитивный культурно-исторический и социальный смысл, утверждая в “колониях” и “провинциях”

единую для всех государственную политическую идеологию и единые законы совместного проживания миллионов этнически и религиозно разных людей» [8, с. 80]. Далее, однако, автор высказывает мысль, полностью согласиться с которой вряд ли возможно. Он пишет: «Исключение составляли так называемые степные империи (Чингисхана, Тамерлана и др.), милитарное властвование которых над коренными народами не вело ни к какому (экономическому, политическому и культурному) развитию. Их правильно именовать полуварварскими “восточными деспотиями” и отличать от собственно империй» [8, с. 80].

Характеристика степных империй исключительно в негативном ключе представляется авторам данной статьи не совсем адекватной и не в полной мере соответствующей исторической реальности. Если, например, поближе познакомиться с историей Монгольской империи (империи Чингисхана), то вряд ли возможно отрицать, что она оказала огромное влияние не только на социальную динамику общества в период своего существования, но и на последующий ход истории в ряде регионов мира. Так, Монгольская империя значительно воздействовала на характер и направленность развития российской государственности, прежде всего на формирование политического измерения властных отношений. Она выступила образцом твердой и жесткой властной вертикали, ориентированной на объединение огромного пространства страны.

Данным обстоятельством, собственно, и была обусловлена начавшаяся с Ивана III и продолженная Иваном IV (Грозным) интенция на превращение государя Руси во властелина, хозяина. Не следует также исключать значимость влияния Монгольской империи на специфику развития китайской цивилизации. Здесь достаточно отметить, что все маньчжурские императоры, правившие Монголией и Китаем в XVI–XIX вв., были потомками Чингисхана. Но этим влияние Монгольской империи на исторический процесс не ограничивалось. Даже после падения империи потомки рода Чингисхана правили многими народами и государствами вплоть до 1920-х гг.

Не следует также забывать, что Чингисхану удалось создать одну из величайших империй, которая к концу XIII в. вместе со своими вассальными государствами охватила три четверти известного тогда мира. На этой огромной территории был установлен твердый правопорядок, создана развитая, безупречно функционирующая система сообщения и связи, организована курьерская служба. И что особенно удивительно, были обеспечены небывалые, не имеющие аналогов условия безопасности для передвижения людей и грузов. Огромные караваны перемещались по всей территории империи без всякой охраны.

²Здесь и далее курсив наш. – Ч. К., О. К.

Необходимо обратить внимание еще на одну весьма примечательную особенность Монгольской империи – отсутствие в ней власти денег. Деньги в империи были лишь средством облегчения товарообмена. Все несметные богатства и сокровища поступали в казну империи, являлись собственностью государства. Не было банков и ростовщичества. Статус человека в Монгольской империи определялся сословной принадлежностью, местом в военной или гражданской иерархии. Монгольская империя тогда еще не подверглась эконоцентрической мутации, произошедшей в Западной Европе, не испытала на себе воздействия модели развития общества, основанного на принципе получения максимальной прибыли и подчиненного мизантропскому закону самовозрастания капитала, который ни перед чем и ни перед кем не останавливается, подчиняет себе народы, государства, отдельных личностей и даже тех, в чьем лице он персонифицируется. Монгольская империя, к счастью, не столкнулась с денежной, монетарной системой организации жизнедеятельности общества, которая к настоящему времени завела человечество в тупик.

Огромную роль в жизни подданных Монгольской империи играл свод постановлений «Яса» Чингисхана, представляющий собой кодификацию монгольского права, народных обычаев и воззрений. Правила этого свода непреложно соблюдались. В результате такие преступления, как прелюбодеяние, ложь, убийство, грабеж, были крайне редкими. Важно отметить, что все вероисповедания в Монгольской империи уважались в равной мере, предпочтение не отдавалось ни одному из них.

Если повнимательнее присмотреться к организации жизнедеятельности людей в Монгольской империи, то можно обнаружить некоторые элементы социализма, характерные для многих древних цивилизаций Востока, а также для социалистических стран XX в.

Монгольская империя – это проявление силы Востока, имеющей отдаленные последствия даже в современном мире. В нем, хотя и условно, можно усмотреть некоторые аналогии с набирающим силу евразийством. Деспотичность, которая, безусловно, в высокой степени была свойственна степным империям, не отменяет их позитивных достижений.

Однако, несмотря на некоторые дискуссионные моменты в оценке исторической роли степных империй, Ю. Д. Гранину, по мнению авторов настоящей статьи, принадлежит весьма емкая и содержательная характеристика империй в целом. Он, в частности, пишет, что «...в истории Евразии империи выступали наиболее адекватной политической формой цивилизации, были политическим способом существования и распространения разнообразных цивилизационных моделей жизни – форм и институтов политического, экономического, социально-

го и культурно-духовного развития. Их возникновение... оказывалось важным фактором мировой динамики, формируя попеременно меняющиеся центры международного развития: места военного, социально-экономического и культурного доминирования в пределах нескольких географических регионов одной из локальных цивилизаций» [8, с. 80].

Неправы те авторы, которые без особой рефлексии и понимания критикуют империи и обвиняют их во всех грехах, выдвигая при этом различные аргументы. Согласно одним авторам империи возвращают победителей и побежденных, они нежизнеспособны, недолговечны, поскольку невозможно в течение длительного времени управлять разными народами и этносами, их судьба – неизбежное разложение и распад. Другие исследователи считают, что империи игнорируют право народов на самоопределение. Оптимальным и справедливым, с их точки зрения, было бы утверждение следующего принципа: сколько на нашей планете существует народов, столько же должно быть независимых государств. Однако оба эти аргумента несостоятельны.

Процветающая Византийская империя, на территории которой проживала шестая часть мирового населения, просуществовала 1123 года. Византия продемонстрировала миру наиболее грандиозные для своего времени образцы полета человеческого духа, выступила средоточием высокой материальной, духовной и бытовой культуры, достигла небывалых высот в развитии архитектуры, живописи, философии и науки (первый университет был открыт не в Западной Европе, а в Византии). Китайская империя, сменив множество династий и политических модификаций, просуществовала 2100 лет. Китай формально (именно формально) завершил свое имперское бытие в 1912 г. Однако вскоре, позаимствовав у СССР антикапиталистическую идеологию, он вновь стал парадоксальным образом возвращаться на имперский путь. Подобные выводы можно сделать и в отношении Персидской империи: «Просуществовав более 14 веков, от Кира Великого до завоевания мусульманами, Персия и после, уже сквозь Ислам, стала вновь возрождаться в имперских формах и возвращаться к имперской идее, которая демонстрировала жизнь и способность и в XX веке (вплоть до свержения Шаха в 1979 году) и не умерла до сих пор» [4, с. 21]. Римская империя просуществовала 800 лет. Российская империя, которая начала формироваться еще при Иване III, претерпела всевозможные метаморфозы внешних форм государственности, но и сейчас (более 500 лет) сохраняет свою имперскую природу. История Османской империи насчитывает 500 лет, Британской – 150 лет, Австро-Венгерской – 100 лет. Можно привести и другие примеры долгожительства империй.

Очевидно, что империя – весьма стабильная форма государственности, возможно, самая стабильная

из всех форм политической организации общества. Ю. Н. Харари отмечает: «Отвергать все империи и отречься от их наследия – значит отказываться практически от всего, что создано человечеством. Без империй не было бы Цицерона, Сенеки и Августина Блаженного, Тадж-Махал не был бы построен» [9, с. 232]. Можно продолжить и сказать, что без Российской империи не был бы построен Санкт-Петербург. По словам Ю. Н. Харари, «...два с половиной тысячелетия большинство людей были подданными той или иной империи. Как правило, империи с пугающей легкостью подавляли восстания. Разрушить империю может лишь вторжение извне или раскол правящих элит. И наоборот – случаев, когда покоренные народы сами смогли освободиться, не так и много» [9, с. 230–231].

Кроме того, в реальном историческом процессе многие, особенно малочисленные, народы в силу ряда причин не имели возможности сохранить суверенитет и независимость. В подтверждение сказанному достаточно отметить, что почти все народы, получившие весьма высокий уровень развития в СССР, отсоединившись от него, стали деградировать, впали в «смуту», даже в гражданские войны. По всем базовым показателям они оказались в худшем положении, чем при СССР. Некоторые из них (Казахстан, Азербайджан) живут за счет ресурсов, которые были раскрыты и освоены русскими специалистами. Теперь все эти народы усиленно пытаются присоединиться к другим империям или к какому-нибудь крупному государственному объединению. Входить в состав какой-либо империи – это неизбежная судьба малых народов. Так было в прошлом, так происходит и сегодня.

В связи с этим особый интерес вызывают те алгоритмы, культурные матрицы и реалии, которые заложены в основе самых древних империй. В древности нашу планету населяло множество народов, но все они были малочисленны, занимали небольшие площади и были рассеяны территориально. Благодаря империи человеческое многообразие и бесконечная фрагментация мира радикально сократились. «Каток» империи стирал мелкие сообщества и создавал более крупные. Империи помогали, хоть порой и жестокими методами, отсталым народам вырваться из темноты, варварства и дикости.

Первое достоверно известное крупное государственное образование – это Аккадское царство Саргона Великого (ок. 2250 г. до н. э.). За несколько десятков лет Саргон покорил не только все города Месопотамии, но и немалые территории за пределами Междуречья. Позже образовались крупные Ассирийское, Вавилонское и Хеттское государства, которые еще не были полноценными империями, но уже могли рассматриваться именно как предтечи империй, как протоимперии. Настоящей империей можно считать империю персидского царя Кира Великого (550 г. до н. э.).

Кир поднял планку своего крупного государственного образования на качественно новый уровень. Если цари протоимперий считали свои народы выше всех остальных покоренных ими народов, то Кир Великий считал, что он правит всеми покоренными народами ради их блага. Эта идея была абсолютно новой, поразительной и, может быть, даже противостественной для эволюции гомо сапиенс и в целом для социума той поры. Кир стремился, чтобы все подданные его государства считали благом быть вассалами Персидской империи.

Нечто похожее можно сказать и об империи Цинь. Первый властелин объединенной китайской империи Цинь Шихуанди хвалился, что «...во всех шести направлениях вселенной все принадлежит императору... Всюду, где есть след человека, нет никого, кто бы не стал подданным императора... Его благостыня распространяется даже на быков и лошадей. Нет человека, кому бы это не пошло во благо. Каждый в безопасности под своей кровлей» (цит. по [9, с. 236]). Неудивительно, что в китайской историографии имперские периоды описываются как золотые эпохи порядка и справедливости. Эпохи же раздробленности в Китае рассматриваются как времена хаоса и несправедливости.

Когда в 476 г. Римская империя пала, ранее покоренные ею народы не вышли из ее «чрева» в своем изначальном виде. От их прежних черт ничего не осталось. Потомки этих народов уже говорили на тех языках, почитали тех богов и повторяли те мифы, которые господствовали в Риме, думали и верили, как римляне. При этом не всегда гибель империи приносила свободу ее народам. На опустевшее место вторгалась другая империя.

В Азии более миллиарда китайцев говорят и думают на языке империи Хань. Почти все жители Северной и Южной Америки говорят на одном из имперских языков: английском, испанском, португальском и французском. Даже около 10 миллионов зулусов на юге Африки гордятся славой Зулусской империи XIX в., хотя все они происходят из племен, сражавшихся против нее [9, с. 233].

Перед Первой мировой войной «...империи казались главным и даже очевидным способом организации человечества: могущественные Российская и Германская империи, менее сильные Габсбургская и Османская империи, стоящий на отшибе и находящийся под контролем европейских держав Китай, тоже империя в полном смысле этого слова, наряду с ними – мощные колониальные морские империи Франции и Великобритании, а также менее крупных западноевропейских стран, таких как Бельгия, Португалия и Нидерланды. Бельгия, например, располагала империей, по площади в 80 раз больше ее самой. В свою очередь Британская империя была больше Великобритании в 140 раз» [10, с. 27]. В реальности империи в течение длительного времени

были основной формой политической организации на нашей планете. Империи – это движущий мотор прогресса. За всю историю своего бытия они осуществили своеобразную «переплавку» десятков миллионов этнически и конфессионально разных людей, превратив их в своих подданных

и тем самым создав для них возможность и условия для взаимообогащения различных культур, религий, наук и технологий. Империи осуществляли и будут осуществлять колоссальную цивилизационную миссию. В наше время они приобретают новое дыхание.

Однополярная глобализация и мир империй

По окончании Первой мировой войны произошел распад ряда империй (Австро-Венгерской, Российской, Османской и др.). Неожиданный взлет советского проекта после победоносной Октябрьской революции, ориентированной на утверждение кардинально новой модели общественного устройства и формирование универсальных ценностных оснований нового национального и глобального порядка в мире, нанес первый и весьма ощутимый удар по глобальной гегемонии Запада. Образование же после Второй мировой войны социалистического блока и поддерживаемого им антиколониального национально-освободительного движения в многочисленных колониях Запада также внесло лепту в ослабление имперских форм государственности. Перестали существовать Британская, Французская, Португальская, Бельгийская империи. В ходе череды данных переломных событий на Западе сложилась мозаика национально-территориальных государств. Некоторые из них смогли создать объединение под названием «Европейский союз».

Однако реализация европейского проекта не привела к утверждению на нашей планете новой империи в подлинном значении этого слова. Подавляющее большинство исследователей не считают Евросоюз имперским образованием. В действительности он оказался своеобразной квазиимперией, причем весьма неустойчивой и не имеющей шансов быть долговечной, а тем более стать одним из полюсов новой геоструктуры мира.

Но главным результатом указанных и иных трансформационных процессов стало формирование биполярного мира: на авансцену исторического бытия вышли две мощные сверхдержавы – СССР и США. Причислить эти державы к империям вряд ли представляется возможным без ряда оговорок. Справедливую оценку им дает известный российский автор А. И. Фурсов. Он считает, что как Советский Союз, так и США явились «попыткой создать принципиально иной, чем имперский и национально-государственный, тип политики, принципиально иной тип социоэтнической общности – наднациональный, протоглобальный» [7, с. 175]. Обе державы стремились переформатировать мир исключительно по своему образцу. И эти попытки, несмотря на небывалую масштабность держав (СССР и возглавляемого им социалистического блока в конце 1980–90-х гг., а США в настоящее время), провалились.

Тем не менее после развала СССР как глобальной альтернативы капиталистическому мироустройству у элит Запада, а также у многих исследователей и аналитиков утвердилась иллюзорная вера в полную и окончательную (концепт «конец истории») победу Запада, победу неолиберально-рыночной модели во всемирном масштабе. И действительно, человечество, хотя и не на долгое время, вступило в период, который теперь принято называть однополярным моментом.

На нашей планете тогда остался один центр силы во главе с США, олицетворяющий собой интересы и устремления так называемого золотого миллиарда (мирового финансового олигархата). Олигархический интернационал не упустил возможности воспользоваться этой ситуацией и попытался подчинить объективные глобализационные процессы исключительно своим интересам, взять под свой контроль весь мир, создать глобальную гиперсистему, т. е. устремился создать именно однополярный мир. С этой целью США выдвинули глобализационный проект, предусматривающий формирование нового мирового порядка.

Данный период имел ярко выраженную специфику. Если интернационализация и интеграция в течение ряда столетий способствовали взаимосвязям народов и стран, но при этом ни в коей мере не вели к ликвидации национальных государств, то глобализация стала претендовать на деконструкцию территориальных национально-государственных образований. Ее можно охарактеризовать как попытку слома традиционных территориальных, социокультурных и государственных границ, разделяющих народы. По этой причине глобализацию следует рассматривать как новое явление современного мира. Как реальный, а не сугубо теоретический феномен, она могла быть обусловлена двумя факторами:

- возникновением новых (интернет, мобильный телефон, новые виды транспорта и т. д.) и усовершенствованием старых средств коммуникации;
- развалом СССР.

Пока существовал Советский Союз, никакой единый мир на основе неолиберальной рыночной модели не мог сформироваться в принципе. Только тогда, когда появились новые технические средства коммуникации и пал СССР, наступила эпоха американоцентричной глобализации. И сначала реализация глобализационного проекта развернулась довольно успешно. Стали возводиться новые конструкты:

транснациональные структуры и институты, финансовые рынки и коммуникативные сети, концентрирующие в своих руках колоссальные ресурсы. В результате вновь выявленные глобалистские структуры получили возможность с очевидно растущей легкостью подчинять себе национальные правительства, которые, в силу этого, по сути, переставали быть национальными.

Что интересно, выдвинутый США глобализационный проект многим представлялся тогда приемлемым, открывающим новые возможности для более углубленной интеграции мира, решения проблем взаимосвязанности и взаимозависимости его частей. Казалось, что реализация данного проекта позволит объединить усилия всех стран во имя прогрессивного развития человечества, оптимизирует систему управления общепланетарными процессами, смягчит остроту экологических проблем и т. д. Иначе говоря, проект глобализации нес отнюдь не слабый ценностный заряд, энтузиазм и даже реформаторское рвение. Здесь, как это не раз бывало в истории, не обошлось без существенных элементов утопического сознания. В оборот был введен ряд идеологем и концептов: о мире по-американски, об эпохе *Pax Americana*, о XXI в. как об эре доминирования мировой сверхдержавы, о веке США, об их исключительности и мессианской роли в формировании и развитии нового мироустройства. Иными словами, Запад праздновал безоговорочную победу и был уверен в своей исторической миссии с такой степенью непоколебимости, что даже один из его идеологов Ф. Фукуяма выдвинул концепцию о конце истории, согласно которой западноевропейская буржуазно-либеральная модель развития обретет универсальный, всепланетарный характер, безжалостно пресекая иные варианты социокультурного развития человечества.

Все эти трансформационные процессы побуждали исследователей усомниться в перспективе существования империй. Многие авторы стали приводить различные аргументы о невозможности такого прогноза. Доказывалось, что империи ориентированы лишь на насилие, захват ресурсов, эксплуатацию и ограбление народов.

В принципе, «истеричная» критика имперской государственности и эйфория конца истории вполне объяснимы: в однополярном мире не может быть места былому многообразию империй. Такое даже помыслить невозможно. Конец истории вместе с тем означает и конец империй. Однополярность хоронит империи. Что же тогда должно прийти им на смену? Единое мировое сообщество, строительство однополярной всеобъемлющей гиперсистемы, которая неизбежно должна привести не только к деконструкции национально-территориальных государственных образований, но и к финалу истории локальных цивилизаций (культурно-исторических типов), а также всего имперского многообразия

мира посредством полной и окончательной интеграции в единую целостность.

Некоторые исследователи стали характеризовать этот процесс как строительство гиперимперии, или мировой империи. На взгляд авторов настоящей статьи, эти понятия вряд ли применимы к тому типу политики, которую глобалисты пытаются навязать человечеству. В отличие от империй, в большинстве своем выступавших двигателем прогресса, новая глобальная гиперсистема ориентирована на расчеловечивание, а не вочеловечивание. Она нацелена на погружение всего мира в неизвестный ранее тип тоталитаризма, создание общества реализованной антиутопии, общества всеохватывающего надзора. Иначе говоря, верхи глобальной элиты устремятся осуществить проект неоглобализации не для всех, а для немногих, создать новый тип общества завершенного абсолютного тоталитаризма (общество «железной пяты», цифровой неототалитаризм, электронный концлагерь), качественно отличающийся от всех форм еще сохраняющихся капиталистических практик и систем. Подобную модель общественного устройства вполне можно определить как новое рабовладение технотронного характера, управляемого посредством искусственных мер, генноинженерных экспериментов, анонимных сетевых структур и т. д. В обществе должен быть достигнут контроль над всеми планетарными ресурсами и богатствами крайне узкой группой людей. Такая модель общественного устройства несовместима с имперской формой развития. Не по причине ли того, что империи по своей сущности являются жесткой альтернативой однополярности и выступают основой цветущего разнообразия в развитии человеческой цивилизации, они так тенденциозно и злобно подвергаются критике со стороны глобалистов? Для них добрая память об империях и тем более о возможности их грядущего возрождения в принципе недопустимы.

Правда, в специальной литературе имеет место и другой, менее агрессивный мотив критики империи, суть которого заключается в том, что имперская государственность попросту устарела и необратимо уходит в прошлое, становится несовместимой с овладевшими нашим миром идеологией и психологией потребительства, ориентацией населения многих стран на гедонизм, комфорт и т. д. Наиболее последовательно и системно такие аргументы приводятся в статье П. Б. Салина «Имперскость 2.0?». Автор полагает, что в результате стремительного процесса урбанизации среднестатистический горожанин «становится классически и потребительски настроенным буржуа, который ставит свои узкие жизненные приоритеты (не обязательно свои личные, это может быть семья или локальная общность) выше абстрактных геополитических интересов, от внешней политики ожидает прежде всего конкретной экономической отдачи» [11, с. 78–79]. Согласно

ему «...гражданин-горожанин желает получить рациональное объяснение тому, ради каких целей он должен мобилизоваться и, самое главное, *жертвовать*. Именно готовность народа к жертвенности ради абстрактных идеалов является залогом получения властью мандата на проведение классической имперской политики» [11, с. 79]. Далее П. Б. Салин отмечает: «Империя строится на четком территориальном принципе, а мир в силу развития технологий крайне взаимосвязан, причем связи эти все больше развиваются вне традиционных сфер компетенции современного государства. Мировое коммуникационное пространство представляет собой платформу для общения всех со всеми, что становится возможным благодаря развитию технологий, прежде всего интернета» [12, с. 80].

Однако очень многие авторы высказывают мнение о том, что в современных условиях существование империй необходимо и неизбежно. Так, в том же номере журнала, в котором опубликовал свою статью П. Б. Салин, другой автор, С. А. Караганов, утверждает следующее: «Поразительно по своей неадекватности отрицание империализма и империй... Мы, остальной мир, должны следовать в фарватере этого лицемерия? А может быть империи не только есть, но и будут? И даже за ними будущее?» [12, с. 65].

Действительно, последние 10–15 лет вектор публикационной активности начал менять направление: появляется все больше изданий, в которых исследователи от рассуждения о неизбежном имперском реванше переходят к констатации неустрашимости в современном мире имперской формы развития (империестроительства). На деле все прежние и нынешние пересуды о смерти империй, которых до сих пор немало в научной и околону научной литературе, оказались ничтожными перед исторической реальностью.

А как может быть иначе? Фактом является то, что создать единое мировое сообщество не получилось. Мир никак не соединяется в нечто универсальное. Напротив, сегодня он разделяется прямо на глазах.

Дело в том, что по мере воплощения глобализационного проекта в жизнь стало обнаруживаться некое не замечаемое ранее коварство мировой элиты, скрытые от поверхностного наблюдения установки и конечные цели глобалистских структур, которые явно не соответствовали первоначальным ожиданиям не только нейтрально настроенных в отношении глобализации ученых и политиков, но и ее апологетов. Стало очевидным, что США вовсе не стремятся осуществить подлинную интеграцию человечества, действовать во имя достижения высших целей, а напротив, поставили перед собой задачу превращения всех стран и народов в объекты подчинения. На мировой арене стал раскручиваться «маховик» произвола и вседозволенности, сопряженных с навязыванием народам мира с их уникальными

культурами и традициями единой стратегии развития. Причем глобализация вводилась с помощью механизма политического давления, прямых действий правительства или через деятельность Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации и ряда теневых структур. Эти решения принимались в целях унификации всех национальных экономик вокруг набора одинаковых правил игры, обеспечивающих выгодные условия для стран – лидеров глобализации. Если же на международной арене появлялись лидеры, проводящие независимую национальную политику и выражающие глубинные интересы своих народов, то на них сразу же открывалась охота, оказывалось беспрецедентное давление, принимающее самые разнообразные формы вплоть до физического устранения (С. Милошевич, С. Хусейн, М. Каддафи).

В результате проект глобализации, в начале 1990-х гг. воспринимавшийся многими как идеализированный образ должного и желаемого, несущий утопическое вдохновение, начал трансформироваться в нечто противоположное, неприемлемое и неожиданное, грозящее новыми рисками и катаклизмами. Столкнувшись с действительностью, данный проект стал быстро обнаруживать явные черты антиутопии. Произошла весьма интересная метаморфоза – превращение позитивной утопии в негативную, а именно в антиутопию.

В реальности мир сущностно разнообразен и цивилизационно дифференцирован. Различным локальным цивилизациям, их культурным кодам, запечатленным в языке, традициях, обычаях, нравах, религиозных верованиях, литературе, фольклоре, соответствуют различные типы социокультурного развития. Все цивилизации отличаются системами ценностей, восприятием природы, труда, богатства, собственности, а также пониманием обязанностей человека по отношению к семье, детям, общине. Они породили особые понятия чести и долга, наполнили разным содержанием категории свободы, прав, дали свое толкование власти, государства, движущих сил истории и т. д.

За концептом «единое мировое сообщество» скрываются острое противоречие и парадокс современного мира: чем сильнее воздействие глобализации (финансовой, информационно-технологической, социокультурной), направленной на унификацию национальных различий, тем интенсивнее подъем этнического самосознания, тем острее ностальгия по конкретному, локальному, местному. Иначе говоря, по мере своего развертывания глобализационные процессы стимулируют нарастание дифференциации человечества. «Взрыв этничности» есть выражение скрытой глубинной антиномичности глобализации как феномена современности.

Сущность глобального парадокса состоит в том, что наш мир продолжает оставаться трагически не единым. Впрочем, сама идея установления однополярного

мира противоречит логике социального, базирующегося, как и все живое, на законе разнообразия. Ни глобальный характер современных информационных технологий, ни интернет, ни скоростной транспорт не в состоянии обеспечить единство мира, преодолеть его разорванность и противоречивость. В реальной жизни процесс становления нового мироустройства имеет тенденцию не только к интеграции, но и к дезинтеграции, формированию новых и весьма жестких разделительных линий.

Некоторые авторы утверждают, что хваленая глобализация лишь на одну треть реальна, а на две трети виртуальна [13, с. 243]. И действительно, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что для успешного функционирования хозяйственных структур не обязательно нужен весь мир.

Заблуждение приверженцев однополярного мира заключается в том, что они исходят из линейно-прогрессистского, стадийного понимания всемирной истории. При таком понимании движения мирового социума концепция однополярной, причем американоцентричной, глобализации (и вестернизации) неизбежно начинает рассматриваться как единственно

верная и адекватная. Поскольку согласно идее сторонников данной концепции коллективный Запад находится на вершине общественного прогресса, современность должна интерпретироваться не как открытое множество «модернов», а исключительно в единственном числе, как западная современность, а исторический процесс должен трактоваться как движение в единственное для всех общечеловеческое будущее. Будущее, в котором с точки зрения линейной футурологии государствам и народам иной цивилизационной принадлежности просто нет места. Для того чтобы попасть туда, им надо, утратив цивилизационную идентичность, вестернизироваться. Дискуссионность и ограниченность такой «теоретической оптики» очевидна [8, с. 79]. На данном понимании исторического процесса базировалось представление Ф. Фукуямы о предрешенном конце истории.

Большой наивностью было предполагать, что развал СССР откроет перспективу вечной гегемонии и господства Запада во главе с США. То, что происходит сегодня, является началом бесповоротного конца однополярного мира, в котором мы жили совсем непродолжительное время после падения СССР.

На пути к региональным новоимпериям

Однополярный мир не состоялся. Западноцентрическое мироустройство вызывает у человечества все большее отторжение. Однако торможение в формировании однополярного мира не означает, что национальные государства, особенно небольшие, в полной мере сохранили суверенитет. Дело в том, что глобализация не остановилась. Несмотря на все разговоры о конце глобализации, она продолжается. Просто наблюдается другая глобализация, а именно инверсия. Сегодня глобализация приобретает региональный характер. Рельефно обнаруживает себя тенденция к формированию региональных центров развития и силы, объединений панрегионов, макрорегионов. Процессы интеграции все в большей степени начинают протекать не на глобальном уровне, а на континентальных и субконтинентальных пространствах, в географических регионах, населенных, как правило, родственными в культурном и цивилизационном отношении народами. Так, бывший премьер-министр Бельгии Ги Верхофстадт утверждает: «Совершенно очевидно, что однополярное мироустройство доказало свою неэффективность и нежелательность. Так что, нравится нам это или нет, мы в каком-то смысле возвращаемся к региональным империям и вступаем в новый век» [14, с. 27]. Причем он отмечает, что под термином «империя» он понимает «...политико-экономическое образование, состоящее, возможно, из многих государств и народов, объединенное общими структурами и современными институтами... В этом новом мировом порядке важная роль отводится многообразию империй и цивилизаций,

а не доминированию какой-то одной цивилизации» [14, с. 28]. Таким образом, Ги Верхофстадт ведет речь о становлении политических организаций нового толка, которые созданы открытыми и свободными обществами, конкурирующими друг с другом на глобальном уровне, при этом каждая держава сохраняет свои региональные корни [14, с. 28]. Все это, с его точки зрения, свидетельствует о радикальном сдвиге в международных отношениях и бесповоротном конце однополярного мира, в котором мы жили после развала СССР [14, с. 24].

Рассуждения Ги Верхофстадта весьма симптоматичны. Сегодня в условиях регионализации мира у имперского проекта и строительства открывается второе дыхание. Наступает эпоха ренессанса империй. В самом деле, для региональных образований, которые включают в свой состав немалое количество народов и государств, наиболее оптимальной формой государственности будет именно имперская. Территориально-национальные государства, похоже, будут преобразованы в более универсальном ключе. Например, общее будущее республик бывшего СССР, если оно когда-либо станет возможным, непременно будет реализовано в виде интеграционного имперского проекта, выходящего за рамки обычных наций-государств.

В современных условиях регионализация мира становится доминирующим фактором развития. Дело в том, что процесс глобальных трансформаций поставил множество стран в крайне затруднительное положение. Прежде всего был запущен в действие «дьявольский насос» (выражение академика

Н. Н. Моисеева), позволяющий странам с производительностью труда выше среднемирового уровня выкачивать из стран с производительностью труда ниже среднемирового уровня ресурсы, включая интеллектуальные (человеческие). В результате между населением развитых и отстающих стран с угрожающей скоростью стала нарастать дифференциация по уровню доходов. На практике это обернулось интенсивным ростом количества «несостоявшихся» государств, обнищавших народов безо всякой перспективы развития. Статистика по данному вопросу ужасающая. Большинство национальных государств слишком маленькие, они не имеют достаточно сил, чтобы влиять на события в нашем турбулентном мире.

Кроме того, в современных условиях в виду ограниченности ресурсов ужесточается конкуренция по всем направлениям. В этой ситуации подавляющее большинство государств, прежде всего небольших, могут сохранить самость и субъектность только в союзе с другими, только объединившись с каким-либо региональным государством-гигантом, крупным государством-цивилизацией посредством создания коалиции, позволяющей более успешно противостоять давлению глобальных монополий и другим опасностям. В рамках региональных объединений в силу снижения остроты конкуренции могут развиваться и менее эффективные общества.

Как известно, каждому действию равно противодействие. Государства и народы мира обладают инстинктом самосохранения. Сегодня его проявлением стал переход от глобализации к регионализации.

Регионализацию можно рассматривать как реакцию стран на вызовы глобализации, способ ограничить ее негативное влияние на национальную экономику посредством установления внутрирегиональных предпочтений, внешних барьеров и коллективного протекционизма. Шведский политолог Б. Хеттне пишет: «Регионализм – один из способов справиться с глобальной трансформацией, поскольку большинству стран недостает сил и средств для того, чтобы одолеть такие проблемы на национальном уровне» (цит. по [15, с. 5]). Его мнение разделяет всемирно известный автор теории постиндустриального общества Д. Белл: «Регионы – вот те политические, социальные и культурные единицы, из которых будет строиться мир XXI века» [16, с. 6].

Цивилизационное многообразие, политическая многовариантность – это тенденции глобального характера, которые невозможно остановить. Следовательно, геополитические стратегии многих государств будут ориентированы на создание региональных центров силы, союзов, которые позволят им обеспечивать более безопасные условия выживания в период смены парадигм в развитии мирового социума.

Основной и наиболее сложной проблемой в этом процессе является проблема формирования региональной идентичности. Государства, вступающие в региональные объединения, не отрицая и сохраняя свою национальную идентичность, не могут вместе с тем не формировать своеобразное сверхнациональное единство (суперэтнос). Сверхнациональное единство – сущностная черта региональной идентичности. В качестве модели наднационального объединения регион имеет возможность стать одним из мощных полюсов мира, демонстрировать при этом эффективность своей «связки». Данная региональная идентичность может служить одним из важнейших факторов становления и развития культурно-исторической и социально-территориальной общности. В этом случае региональное пространство будет не только выступать конструируемым, рукотворным феноменом, но и создавать свою идентичность, формировать само себя. Следует учитывать то обстоятельство, что процесс создания региональной идентичности будет иметь длительную историю, проходить различные этапы и в то же время будет зависеть от избранной стратегии развития.

В целом вместо установления глобализированного мира можно прогнозировать интенсивный процесс формирования региональных новоимперий (регионов-империй), которые, как наиболее желательный вариант, вступят в сотрудничество во всех ключевых областях. Неудивительно, что американский исследователь Д. Лал в книге «Похвала империи: глобализация и порядок» утверждает: «...большая часть когда-либо живших на свете людей жила внутри империй, которые посредством своего Рах обеспечивали минимальный порядок, необходимый для существования какой-либо общественной жизни. <...> В этом смысле анархичная система европейских национальных государств, возникшая после краха Римской империи, была исключением» [17, с. 80, 88].

Другой автор, Ч. Тилли, предсказывает наступление новой имперской эпохи. Он пишет: «Возможно, век спустя консолидированные государства будут казаться эфемерными образованиями, в то время как именно империи – исторически доминирующей формой политической организации во всем мире» [18, с. 220].

Как ни странно может показаться на первый взгляд, мы живем в тот исторический период, когда идея империи приобретает большую актуальность, становится объектом полемики, многочисленных исследований, нередко подвергающих глубокому критическому анализу прежние интерпретации роли и места империй в движении мирового социума. Известные авторы Дж. Бербэнк и Ф. Купер подчеркивают: «Несмотря на все усилия, словами ли, войнами ли, поставить национальную единицу в центр политического воображения, имперская

политика, имперские порядки и имперская культура смоделировали мир, в котором мы живем. <...> Поразительная жизнестойкость империй ставит под сомнение ту точку зрения, что национальные государства – явления естественные, необходимые и неизбежные» [19, с. 5–7].

Таким образом, история взаимодействия национально-территориальных и имперских форм политической организации современного общества далека от завершения. Более того, уже с момента зарождения наиболее успешные нации-государства стремились использовать имперские политические формы мобилизации ресурсов, обеспечивающих возможность поддерживать консолидацию национального сообщества [20, с. 140].

Следует, однако, подчеркнуть, что в целом глобализация оказалась весьма «строптивой дамой», сложным, неоднозначным, порой весьма трудно уловимым феноменом. В ходе недолговременного развертывания в ней был выявлен целый ряд противоречий и парадоксов фундаментального характера.

История любит сюрпризы. Глобализация существенно расширила возможность экспансии Запада, обеспечила ему большое преимущество, позволила богатым странам богатеть, а бедные страны ввергла в еще большую нищету. Но, как ни странно, она стала действовать против самих западных стран, постепенно создавая условия для экономического и технологического прорыва и стремительного восхождения наиболее продвинутых развивающихся незападных государств. К настоящему моменту выявился ряд крупных независимых стран, которые, несмотря на свое прошлое и даже нынешнее отставание от государств – лидеров глобализации, быстро создают предпосылки для перехода на более высокую ступень мировой иерархии и начинают активно воздействовать на процесс формирования нового миропорядка, новой геоструктуры мира. Иначе говоря, глобализация стала трамплином, с помощью которого многие незападные страны смогли не просто бросить вызов развитому миру, но и претендовать на первые роли в экономике и, соответственно, политике. Таким образом, реализовать глобализационный проект не удалось. Развитие современного мира пошло иным путем, а глобализационный проект, ориентированный на однополярность мира, оказался очередной эпохальной иллюзией. У Запада появились мощные конкуренты.

Растущие незападные центры силы стали не только «уверенно отвергать свою неполноценность (историческую, культурную, этническую, технологическую и т. д.), которую пытались им приписать пропитанные культуртрегерством ориенталистика и антропология, но и ставить под сомнение саму релевантность западного мейнстрима общественных наук, который как мутное и кривое зеркало способен выдавать в своих

схоластических интеллектуальных настроениях только отклоняющиеся отражения западных обществ» [21, с. 116]. Трансформация функций, форм и специфики национально-государственных образований в условиях набирающей силы регионализации мира выявила новый феномен – позиционирование некоторыми незападными лидерами своих держав как государств-цивилизаций. Можно даже утверждать, что цивилизационный подход становится новым самоопределением крупнейших держав мира.

Такие страны-гиганты, как Индия, Китай, Россия, имеющие длительную историю и глубокие культурные традиции, успешно преодолевшие комплекс периферийности, к настоящему времени вступили на весьма результативный динамический путь развития и тем самым сорвали план глобализации (вестернизации) и на практике показали невозможность утверждения однополярной гегемонии. Превратившись в альтернативные коллективному Западу центры развития и силы, данные страны поставили свою культуру и идентичность в центр как внутренней, так и внешней политики. Выступив против попыток рассматривать модель развития Запада как универсальную для всего человечества, эти государства перестали определять свою специфику лишь через этнические или территориальные характеристики, они позиционируют себя в качестве уникальных цивилизаций, выходящих за национальные границы, как своеобразные суперэтноты. Именно в качестве модели наднационального объединения регион имеет возможность стать одним из полюсов мира. Причем мир регионов вполне может трансформироваться в мир империй.

Следует отметить, что цивилизационная дифференциация человечества обусловлена прежде всего спецификой регионально-социоприродного ландшафта, а также религией. Государственные образования, которые развиваются в каком-либо географическом регионе, выступают, как правило, основой для становления новых локальных цивилизаций и империй. Иначе говоря, в ходе исторического развития между государствами того или иного региона, цивилизациями и империями складываются определенная диалектическая взаимосвязь и взаимозависимость.

Таким образом, подъем государств-цивилизаций как новой политической организации не просто меняет сложившийся после окончания холодной войны геополитический ландшафт, но и поворачивает наш мир от либерального универсализма к культурной уникальности, от моноцентризма к полицентризму, т. е. к утверждению региональных центров силы.

Следует подчеркнуть, что регионализация на основе цивилизационного подхода может стать весьма перспективным направлением научных исследований. Здесь необходимо отдавать себе отчет в том,

что цивилизации представляют собой долгосрочные социальные образования. Это «глыбы», которые имеют устойчивую тенденцию сохранять свою уникальность и при всех исторических метаморфозах сопротивляться превращению уникального в универсальное, растворению своего в чужом.

Русский исследователь Д. Володихин считает, что империи являются наиболее адекватным политическим оформлением пространства цивилизации. Могут быть и другие оформления, но они в меньшей степени обеспечивают жизнеспособность цивилизации. Устойчивая цивилизационная культура в подавляющем большинстве случаев представляется имперской. Значит, «имперское устройство государства можно дефинировать в зависимости от того, является оно государством-цивилизацией или нет» [7, с. 158]. Цивилизации можно рассматривать как своеобразные долгосрочные и устойчивые социальные субъекты. Они настолько особенны, что «в процессе взаимодействия фактически устойчиво сохраняют свою особость без сползания к изоляционизму: сама суть цивилизации представляет, что она не склонна поддаваться цивилизационному влиянию других и устойчива к культурной диффузии при взаимодействии с другими» [22, с. 21].

Примерно в таком же ключе рассуждает и российский автор В. В. Аверьянов, когда акцентирует внимание на том, что империя может трактоваться как политический псевдоним самостоятельной цивилизации или «...быть неким уточняющим указанием на политический аспект самостоятельной цивилизации. Иногда уместно говорить об империи как о политическом лице цивилизации в стадии ее полноценного раскрытия» [23, с. 184]. Империю, по мнению В. В. Аверьянова, следует понимать как переименование цивилизации. Имея в виду это обстоятельство, некоторые исследователи справедливо предпочитают говорить не о локальных цивилизациях, а о «цивилизационно-имперских системах» [8, с. 83].

Однако не следует путать имперские государственные образования с глобализацией как таковой. Ни одна империя никогда не охватывала весь земной шар и, похоже, никогда не будет его охватывать. Империи – это своеобразные интеграционные блоки, региональные объединения, крупные государства-цивилизации. Они не глобальны, а цивилизационно-локальны. Имеющийся исторический опыт говорит не в пользу возможности реализации имперского проекта для всего человечества. Локальные цивилизации, если не допускать мысли о насильственном уничтожении какой-либо одной цивилизацией всех остальных, не могут сами по себе, добровольно, естественно, эволюционно конвертироваться, интегрироваться, ассимилироваться, глобализироваться в единую мировую цивилизацию. Если уж и рассуждать о глобализации в связи

с процессом формирования и развития имперской государственности, имперского строительства, то можно говорить лишь о цивилизационно-локальной глобализации. Имперская государственность несовместима с глобализацией. Она сама представляет собой частную глобализацию, «поэтому имперские проекты не могут не противоречить той глобализации, которая является по отношению к ним внешней» [23, с. 184].

Определение империи как частной глобализации представляется вполне оправданным. Империи, создавая наднациональную и надэтническую культуру, открывают новые возможности для ряда национальных государств, которые слишком малы для того, чтобы влиять на события в мире, и поэтому остро нуждаются в защите. Не интегрированные на регионально-имперском уровне народы могут оказаться, особенно если учесть нарастающую турбулентность современного социума, на «обочине» мирового развития. Можно утверждать, что частная региональная имперская глобализация приобретает новый смысл и значение, становится ключом к более углубленному пониманию современной ситуации в мире.

Размышляя о тенденции формирования многополярного мира, имеет смысл вспомнить о том, что первооткрывателем цивилизационного подхода к истории человечества выступил выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский. Его учение о культурно-исторических типах явилось крупнейшим научным открытием, нанесшим сильнейший удар по линейно-прогрессистскому, стадийному пониманию всемирной истории, концепциям развития так называемого мирового сообщества, которых и сейчас придерживаются многие западные политики и исследователи. Культурно-исторические типы – это и есть полюсы мира, составляющие многополярность, и, возможно, сегодня «...из-под глыб глобалистского либерального диктата, который был навязан миру американской гегемонией, выходят прекрасные цветы – цветы будущего XXI века, в котором все цивилизации будут играть равную роль» [24]. У каждого из этих полюсов будет свое будущее. И оно должно быть основано на взаимоважении. В этом заключается суть многополярного мира, за который сейчас Россия сражается на полях Украины. Сражается не с украинским народом и даже не с Украиной, а со всем западным меньшинством, с блоком НАТО [24].

Итак, авторы настоящей статьи смеют утверждать, что предрекаемый многими исследователями и политиками конец всех империй не наступил. Если уж и вести речь о смерти империй, то в наше время она будет справедливой лишь применительно к морским колониальным империям Нового времени. Империи Запада действительно продемонстрировали свою недолговечность и оказались несостоятельными. Фактически это были «империи первоначального

накопления, глобального мародерства, империалистического грабежа, привязанные к этой эпохе и исчерпывающие в ней свой потенциал» [4, с. 28]. Они явили собой «вырожденческую, неполноценную ветвь в семье мировых империй» [4, с. 27].

Колониальные морские империи, которые как грибы после дождя стали возникать после географических открытий Христофора Колумба, Америго Веспуччи, Фернана Магеллана и других мореплавателей, развернули систематический грабёж по всему миру. Анализируя подробные данные о налогах и торговле за 173 года, группа европейских и американских ученых пришла к выводу о том, что Великобритания в 1765–1938 гг. вывезла из Индии около 45 трлн долл. США (по ценам середины 2000-х гг.), причем это скорее заниженная сумма. Бельгийский монарх Леопольд II в течение 23 лет (1885–1908) был правителем Конго и организовал там тотальный перманентный геноцид. Погибло более 10 млн африканцев. Согласно установленным Леопольдом II правилам людям «за нерадивость» отрубали руки и гениталии, забивали их до смерти, заставляли голодать, требовали выкуп за детей, показательно сжигали деревни [25].

Ограбление Западом других народов продолжается, правда в более замаскированных формах. Специфика и механизм этого феномена с исчерпывающей доказательностью раскрыт многими экономистами.

Следует заострить внимание: между западными колониальными и континентальными империями

существуют различия фундаментального характера. В западных империях с их колониальными владениями не существовало не только единого географического, но и в первую очередь социально-исторического пространства, объединенного ценностями и культурой. Они были разорваны. В России же в одном большом пространстве у всех этносов была одна большая судьба. В пределах Российской империи жизнедеятельность народов регулировалась посредством сохранения их культурных особенностей и перманентного взаимопроникновения и взаимодействия, что в итоге вело к формированию и утверждению органичного единства, можно даже сказать, всеединства соборного типа. Можно сделать вывод, что вряд ли понятие «империя» в подлинном смысле этого слова применимо к западным империям. Их следует квалифицировать скорее как государства-нации, колонизировавшие далекие заморские территории, не связанные с метрополией цивилизационно и культурно.

В будущем существование такого грабительского характера империй авторам данной статьи представляется невозможным. А вот традиционные исторические империи централизованного типа, скрепленные единой территорией, обладающие общей культурной и идеологической матрицей, а также сверхнациональным единством, модернизируясь и обновляясь, но при этом сохраняя свои константные свойства и признаки, имеют перспективы развития.

Библиографические ссылки

1. Маркс К. *Капитал. Том 1*. Степанов-Скворцов ИИ, переводчик. Москва: Госполитиздат; 1952. 797 с.
2. Burbank J, Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press; 2010. 528 p.
3. Ливен Д. Разные судьбы послеимперских метрополий. В: Клямкин ИМ, редактор. *После империи*. Москва: Фонд «Либеральная миссия»; 2007. с. 76–79.
4. Аверьянов ВВ, Елисеев АВ, Калашников МА. *Всплывающая империя*. Москва: Наше завтра; 2022. 274 с.
5. Манн М. *Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2014. 208 с.
6. Мюнклер Г. *Империи. Логика господства над миром. От Древнего Рима до США*. Ланник ИВ, переводчик. Москва: Кучково поле; 2015. 398 с.
7. Сергеев С, Ремизов М, Соловей В, Цымбурский В, Куренной В, Межуев Б и др. Россия: национальное государство или империя? Круглый стол журнала «Москва». *Москва*. 2008;5:155–180.
8. Гранин ЮД. Бесконечная имперскость России. Цивилизационное измерение. *Вопросы философии*. 2022;9:76–86. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-76-86.
9. Харари ЮН. *Sapiens. Краткая история человечества*. Москва: Синдбад; 2018. 496 с.
10. Ачкасов ВА. *Российская дилемма: империя или нация-государство*. Москва: Юрайт; 2019. 373 с.
11. Салин ПБ. Имперскость 2.0? Россия в глобальной политике [Интернет]. 2019 [процитировано 15 июля 2023 г.]; 17(2). Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>.
12. Караганов СА. Предсказание будущего? Как самообман подменил серьезный анализ. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2019 [процитировано 15 июля 2023 г.]; 17(2). Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/>. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74.
13. Степанянц МТ. Поликультурность: глобальный и российский аспекты. В: Степин ВС, Гусейнов АА, редакторы. *Диалог культур в глобальном мире: мировоззренческие аспекты*. Москва: Наука; 2005. с. 241–294.
14. Верхофстадт Г. Три выхода для Европы. *Россия в глобальной политике* [Интернет]. 2009 [процитировано 15 июля 2023 г.]; 7(1). Доступно по: <https://globalaffairs.ru/articles/tri-vyhoda-dlya-evropy/>.
15. Шишков ЮВ. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодействие? *Мировая экономика и международные отношения*. 2008;8:3–20. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-8-3-20.

16. Белл Д. Эпоха разобщенности. *Свободная мысль – XXI*. 2006;6:5–16.
17. Лал Д. *Похвала империи: глобализация и порядок*. Москва: Новое издательство; 2010. 361 с.
18. Тилли Ч. Как умирают империи. *Политическая наука*. 2013;3:216–229.
19. Бербэнк Дж, Купер Ф. *Взлет и падение великих империй*. Лазуткина О, редактор; Матвеева ЕВ, Буторов АВ, переводчики. Москва: АСТ; 2015. 528 с.
20. Лапкин ВВ. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: бэкграунд. *Полис. Политические исследования*. 2022;32(6):135–150. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.10.
21. Мартыанов ВС. В поисках другого мейнстрима. *Полис. Политические исследования*. 2021;30(4):112–131. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.09.
22. Сафранчук ИА, Лукьянов ФА. Современный мировой порядок: адаптация авторов к структурным реалиям. *Полис. Политические исследования*. 2021;30(4):14–25. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03.
23. Аверьянов ВВ. Империя и воля. *Москва*. 2012;1:180–193.
24. Малофеев КВ. Глобальный либерализм умер. *Завтра* [Интернет]. 2023 [процитировано 15 июля 2023 г.];18(1530). Доступно по: <https://zavtra.ru/archive/2023/5/1530/>.
25. Сорокин Н. Самобытная Россия. О новой Концепции внешней политики нашей страны. *Завтра* [Интернет]. 2023 [процитировано 15 июля 2023 г.];13(1525). Доступно по: https://zavtra.ru/blogs/samobitnaya_rossiya.

References

1. Marks K. *Kapital. Tom 1* [Kapital. Volume 1]. Stepanov-Skvortsov II, translator. Moscow: Gospolitizdat; 1952. Russian.
2. Burbank J, Cooper F. *Empires in world history: power and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press; 2010. 528 p.
3. Liven D. [Different fates of post-imperial metropolises]. In: Klyamkin IM, editor. *Posle imperii* [After the empire]. Moscow: Fond «Liberal'naya missiya»; 2007. p. 76–79. Russian.
4. Aver'yanov VV, Eliseev AV, Kalashnikov MA. *Vsplyvayushchaya imperiya* [Surfacing empire]. Moscow: Nashe zavtra; 2022. 274 p. Russian.
5. Mann M. *Power in the 21st century. Conversations with John A. Hall*. Cambridge: Polity Press; 2011. 180 p.
Russian edition: Mann M. *Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Kholom*. Moscow: Higher School of Economics Publishing House; 2014. 208 p.
6. Münkler H. *Imperien. Die Logik der Weltherrschaft – vom Alten Rom bis zu den Vereinigten Staaten*. Berlin: Rowohlt; 2005. 332 S.
Russian edition: Münkler H. *Imperii. Logika gosподstva nad mirom. Ot Drevnego Rima do SShA*. Lannik IV, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2015. 398 p.
7. Sergeev S, Remizov M, Solovei V, Tsymburskii V, Kurennoi V, Mezhev B, et. al. [Russia: nation state or empire? Round table of the magazine «Moscow»]. *Moskva*. 2008;5:155–180. Russian.
8. Granin YuD. The endless imperialism of Russia. The civilizational dimension. *Voprosy filosofii*. 2022;9:76–86. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-9-76-86.
9. Harari YuN. *Sapiens. Kratkaya istoriya chelovechestva*. Moscow: Sindbad; 2018. 496 p. Russian.
10. Achkasov VA. *Rossiiskaya dilemma: imperiya ili natsiya-gosudarstvo* [Russian dilemma: empire or nation-state]. Moscow: Yurait; 2019. 373 p. Russian.
11. Salin PB. [Imperial 2.0?] *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15];17(2). Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/imperskost-2-0/>. Russian.
12. Karaganov SA. A predictable future? How self-deception replaced profound analysis. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15];17(2). Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/predskazuemoe-budushhee/>. Russian. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-2-60-74.
13. Stepanyants MT. [Multiculturalism: global and Russian aspects]. In: Stepin VS, Guseinov AA, editors. *Dialog kul'tur v global'nom mire: mirovozzrencheskie aspekty* [Dialogue of cultures in the global world: ideological aspects]. Moscow: Nauka; 2010. p. 241–294. Russian.
14. Verkhofstadt G. [Three exits for Europe]. *Russia in Global Affairs* [Internet]. 2009 [cited 2023 July 15];7(1). Available from: <https://globalaffairs.ru/articles/tri-vyhoda-dlya-evropy/>. Russian.
15. Shishkov YuV. Regionalization and globalization of the world economy: alternative or interaction? *World Economy and International Relations*. 2008;8:3–20. Russian. DOI: 10.20542/0131-2227-2008-8-3-20.
16. Bell D. [The era of disunity]. *Svobodnaya mysl' – XXI*. 2006;6:5–16. Russian.
17. Lal D. *In praise of empires. Globalization and order*. New York: Palgrave; 270 p.
Russian edition: Lal D. *Pokhvata imperii: globalizatsiya i poryadok*. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2010. 361 p.
18. Tilli Ch. [How empires end]. *Political Science*. 2013;3:216–229. Russian.
19. Burbank J, Cooper F. *Empires in world history. Power and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press; 2011. 528 p.
Russian edition: Burbank J, Cooper F. *Vzlet i padenie velikikh imperii*. Lazutkina O, editor; Matveeva EV, Butorov AV, translators. Moscow: АСТ; 2015. 528 p.
20. Lapkin VV. Socio-political dynamics in the age of the global crisis: civilizational background. *Polis. Political Studies*. 2022;32(6):135–150. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.10.
21. Martyanov VS. In search of another mainstream. *Polis. Political Studies*. 2021;30(4):112–131. Russian. DOI:10.17976/jpps/2021.04.09.
22. Safranchuk IA, Lukyanov FA. The contemporary world order: the adaptation of actors to structural realities. *Polis. Political Studies*. 2021;30(4):14–25. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03.

23. Aver'yanov VV. [Empire and will]. *Moskva*. 2012;1:180–193. Russian.
24. Malofeev KV. [Global liberalism is dead]. *Zavtra* [Internet]. 2023 [cited 2023 July 15];18(1530). Available from: https://zavtra.ru/blogs/global_nij_liberalizm_umer. Russian.
25. Sorokin N. [Original Russia. On the new concept of foreign policy of our country]. *Zavtra* [Internet]. 2023 [cited 2023 July 15];13(1525). Available from: https://zavtra.ru/blogs/samobitnaya_rossiya. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 16.08.2023.
Received by editorial board 16.08.2023.*